

Н. В. Шутёмова

Пермь, Россия

N. V. Shutemova

Perm, Russia

**ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ТЕКСТА
В ПЕРЕВОДЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПРЕДСКАЗАНИЕ»**

Аннотация. Анализируются типологические параметры стихотворения М. Ю. Лермонтова «Предсказание», рассматривается политическая мотивированность его идейно-эмотивной основы, образности и эстетически ценной стиховой объективации, определяется типологическая доминанта текста и специфика ее репрезентации в тексте перевода.

Ключевые слова: типологические параметры текста; поэтичность; политическая лирика М. Ю. Лермонтова; перевод.

Сведения об авторе: Шутёмова Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

e-mail: manchinova@perm.ru.

Поэтический перевод как творческая деятельность по созданию культурных ценностей, направленная на репрезентацию ценностей переводимой художественной литературы в принимающей культуре, оказывает значительное влияние на развитие национальных литератур, способствуя их взаимному обогащению. Поиск сущностного свойства оригинала традиционно является ключевым вопросом практики художественного перевода, но приводит преимущественно к интуитивной его интерпретации и описательному толкованию через частные компоненты. Сущность оригинала определяют как «тайную гармонию стиха» [Тургенев 1987: 71], создаваемое оригиналом впечатление [Фет 1987: 415; Гумилев 1991: 31], «аромат, который запечатлевается в памяти» [Диего 1987: 184].

Лингвистическое переводоведение, внесшее значительный вклад в становление науки о переводе, гипотетически констатирует наличие поэтического перевода, ограничивая представление о нем преимущественно лингвистическими рамками и используя поэтический текст в качестве материала, иллюстрирующего основные теоретические положения [Комиссаров 1990; Швейцер 19884; Рецкер 2004]. Большой вклад в развитие теории художественного перевода внесли концепции, разработанные с позиций стилистики А. В. Федоровым [Федоров 1983] и А. Поповичем [Попович 1980]. Однако из-за нацеленности лингвистического переводоведения на разработку универсальных переводческих технологий вне поля исследования оказывается специфика поэтического текста, обуславливающая проблемы, связанные с по-

**TYPOLOGICAL DOMINANT
OF THE POEM «A FOREBODING»
BY M. LERMONTOV IN TRANSLATION**

Abstract. The author of the article regards typological parameters of Lermontov's poem «A Foreboding», analyses political roots of its idea, imagery and aesthetic verse form, defines the typological dominant of the text and studies its representation in translation.

Key words: typological parameters of the text; poeticity; political poetry by M. Lermontov; translation.

About the author: Shutemova Natalia Valerievna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology.

Place of employment: Perm State National Research University.

ниманием смыслового пространства оригинала и его репрезентацией в переводе. Понятие поэтического перевода охватывается более общими понятиями перевода или художественного перевода, при этом последнее не дифференцируется, и специфика поэтического перевода не эксплицируется.

Исследование типологических свойств переводимого текста составляет одно из основных направлений постлингвистического переводоведения, в котором, в связи с интенсивным развитием лингвистики текста, семиотики, когнитивной и дискурсивной лингвистики, феномен перевода получает комплексное освещение. На рубеже XX и XXI вв. разрабатываются общие и специальные теории собственно художественного перевода с позиций когнитивистики, синергетики, психолингвистики, семиотики, информационной, интертекстуальной, дискурсивной и деятельностной теорий [Алексеева 2000, 2002, 2010; Галеева 1999; Казакова 2006; Кузьмина 2009; Кушнина 2009; 2011; Либерман 1995; Нестерова 2005; Сорокин 2003; Фесенко 2002; Hatim, Mason 1997; Steiner 1988]. Процесс перевода получает не результативную трактовку, ориентированную на достижение эквивалентности в переводе, а динамическую, учитывающую и лингвистические, и информационные, и психологические факторы при его моделировании. Ключевыми становятся понятия вторичности как онтологического свойства перевода, переводческого пространства, переводящей личности, интеллектуальной деятельности, понимания, рефлексии, смысла, синергии, гармонии. В теории научного перевода рассматриваются такие типологиче-

ские параметры переводимого текста, как научность, теоретичность, эвристичность, диалогичность, а в теорию художественного перевода вводятся понятия художественности, содержательности, переводческой трудности, художественной информации. Однако, несмотря на богатую практику поэтического перевода и обилие разносторонних исследований поэтического текста в теоретической поэтике, восходящей к античности и сформированной взаимодействующими философскими, эстетическими, лингвистическими и литературоведческими концепциями, в современном переводоведении вопрос о специфике поэтического перевода и сущностном свойстве оригинала, подлежащем передаче при переводе, остается открытым.

В разрабатываемой нами концепции поэтического перевода, представляющей собой попытку осмысления этого вида деятельности на основе принципа типологии текста, свойства поэтического текста определяются с учетом единства его формы и содержания, а также специфики структуры художественного творчества, результатом которого является поэтический текст. Данные критерии позволили нам выделить такие типологические параметры поэтического текста, как духовность, образность и эстетически ценная стиховая объективация, и определить его типологическую доминанту как комплексную текстовую категорию, представляющую собой единство данных параметров и охватывающую глубокий и поверхностный уровни текста [Шутёмова 2011]. Следуя традиции, заложенной в теоретической поэтике и практике художественного перевода, мы обозначаем типологическую доминанту поэтического текста, его сущностное свойство, подлежащее репрезентации в тексте перевода [Якобсон 1975: 228; 1987: 80; Морозов 1987: 377; Чуковский 1988: 78], термином «поэтичность».

При рассмотрении первого типологического параметра поэтического текста, названного нами духовностью, мы основываемся на философском определении духовности как «целостной активности человеческой психики, в единстве ее интеллектуальной и эмоциональной энергий» [Каган 1997: 301]. Параметр духовности учитывает интеллектуально-эмоциональное целое, генерируемое в процессе художественного познания ценностного аспекта отношения «человек — мир». С точки зрения второго параметра поэтичность можно рассматривать как образность осмысления ценностного аспекта отношения «человек — мир». Третий, лингвистический параметр учитывает специфику материала и его использования в словесном искусстве, включая соответственно знаковый и структурный аспекты. Являясь средством объективации художественной концепции автора, язык выполняет в поэтическом тексте эстетическую функцию, при этом традиционно объективация авторской идеи в поэзии имеет стихотворную форму, что в целом позволяет трактовать

данный параметр как эстетически ценную языковую (в узком смысле — стиховую) объективацию образного осмысления ценностного аспекта связи «человек — мир». Данный параметр мотивирован параметрами глубинного уровня поэтического текста — духовностью и образностью. Именно мотивированность стиховой формы художественной концепцией автора отличает поэтический текст от текстов, имеющих стихотворную форму, но не обладающих поэтичностью и не являющихся поэтическими по своей сути. На основе выявленных параметров поэтичность трактуется как реализованное в образной системе и характеризующееся эстетически ценной стиховой объективацией идейно-эмотивное единство, порожденное художественным познанием ценностного аспекта связи «человек — мир».

Являясь сущностным свойством оригинала, поэтичность подлежит репрезентации в тексте перевода, что можно определить как цель поэтического перевода. Освоение поэтичности оригинала составляет содержание когнитивного этапа поэтического перевода и подчиняется закономерностям восприятия и понимания текста, в то время как репрезентация поэтичности оригинала в тексте перевода входит в задачи трансляционного этапа и протекает в соответствии с закономерностями текстопорождения. Вследствие гетерогенности сознания автора оригинала и переводчика при освоении и трансляции поэтичности переводимого текста происходит ее изменение в сознании переводчика как отличном от сознания автора медиуме. Такое изменение поэтичности оригинала в сознании переводчика мы условно называем «преломлением» поэтичности оригинала, считая, что термин «преломление» наиболее полно отражает закономерности освоения поэтичности оригинала переводчиком и ее передачи в тексте перевода. Факторами, определяющими степень преломления поэтичности оригинала в сознании переводчика, являются степень гетерогенности его сознания сознанию автора оригинала и рефлексивная позиция переводчика. Степень преломления поэтичности оригинала в сознании переводчика зависит от освоенности переводчиком типологических параметров оригинала и их транслированности в тексте перевода. На основе степени освоенности и транслированности типологических параметров оригинала можно условно выделить консонансный, консонансно-диссонансный и диссонансный типы поэтического перевода. Консонансный перевод является результатом освоенности и транслированности всех типологических параметров переводимого текста. Консонансно-диссонансный перевод сопровождается частичной редуциацией типологических параметров оригинала в тексте перевода, несмотря на возможность их полного освоения переводчиком, в то время как диссонансный перевод предполагает частичное или полное редуцирование типоло-

гических параметров текста при их освоении и полное редуцирование при трансляции. В данной статье мы рассмотрим, каким образом в переводе, выполненном Ю. Кейденем, была репрезентирована поэтичность стихотворения «Предсказание» (1830), считающегося первым в серии политических произведений М. Ю. Лермонтова.

Социально-политическая проблематика является одной из основных в творчестве М. Ю. Лермонтова, откликнувшегося на наиболее значимые события российской и европейской жизни начала XIX столетия. В кругу тем его ранних и зрелых произведений политический гнет самодержавия и крепостничество, личность Наполеона и Июльская революция во Франции, гибель А. С. Пушкина и судьба России («Жалобы турка», «Наполеон», «Предсказание», «10 июля (1830)», «30 июля. — (Париж) 1830 года», «Новгород», «Поле Бородина», «Умиравший гладиатор», «Смерть поэта», «Бородино», «Дума», «Родина», «Последнее новоселье», «Прощай, немытая Россия», «Спор», «Странный человек», «Вадим» и др.). Как отмечает И. Е. Усок, политический смысл в николаевской России 30-х гг. XIX в. обретала сама «острота критической рефлексии поэта» [Усок 1981: 346], сформировавшая идейно-эмотивную основу его произведений, характерными чертами которых являются мятежный пафос, противопоставленность лирического «Я» всему обществу и миру. Благодаря этому политические стихотворения, несмотря на их относительную немногочисленность, обусловленную ранней гибелью поэта, вошли в сокровищницу шедевров русской литературы.

Характерно, что и знакомство англоязычных читателей с творчеством М. Ю. Лермонтова начиналось именно с интереса к его социально-политическим взглядам. В 1843 г. в Лондоне публикуется перевод книги А. де Кюстина «Россия в 1839», в которой без упоминания имени М. Ю. Лермонтова говорилось о его ссылке, а в 1846 г. была переведена и напечатана книга И. Г. Головина «Россия при Николае I», сообщавшая о гибели поэта. О его ссылке также упоминалось в опубликованной в 1846 г. книге английского путешественника Ч. Хеннингсена «Восточная Европа и император Николай». Переводы стихов М. Ю. Лермонтова включались в антологии русской литературы, изданные в XIX в.; их число значительно увеличилось в годы Первой мировой войны, а также во время Второй мировой войны в связи с возросшим интересом к России. В последующий период внимание к творчеству поэта не ослабевает, при этом улучшается и качество переводов. Читатели Великобритании, США и Канады получили возможность узнать творчество М. Ю. Лермонтова благодаря деятельности таких переводчиков, как А. К. Стивен, С. С. Конант, Ч. Э. Тернер, А. Стейли, Р. И. Липман, Ф. Сторр, Э. Рихтер, Р. Бернесс, Ч. Т. Уилсон, Дж. Поллен, Дж. Уисдом и М. Марри, А. Кулидж, Дж. Дж. Роббинс,

В. Набоков, Ф. Логуорт, П. Фут, С. Боур, М. Беринг, А. Ярмолинский, Ю. М. Кейден, Дж. Дэниелс, С. Э. Л'Ами, А. Великотный и др.

Идейно-эмотивная основа стихотворения «Предсказание» была мотивирована революционными событиями лета 1830 г.: восстанием в Польше, откликом на которое стало стихотворение «10 июля (1830)», и свержением монархии во Франции, которому посвящено стихотворение «30 июля — (Париж) 1830». В стихотворении переплетаются характерные для творчества поэта мотивы Родины и свободы, определяющие мятежный пафос его произведений. Для творчества Лермонтова характерно утверждение прежде всего внутренней свободы личности, но в стихотворениях 30-х гг. мотивы воли и свободы имеют не романтически тотальный характер, а точное социальное содержание. Речь идет не об абстрактной свободе, провозглашаемой романтическим героем для себя и всего человечества, а о конкретной форме свободы — политической. Так, в стихотворении «10 июля (1830)» свобода осмысливается как национальная независимость, а в стихотворении «30 июля — (Париж) 1830» — как свержение тирании самодержавия.

Приветствуя восстание в Польше и революцию во Франции, М. Ю. Лермонтов был, однако, обеспокоен тем, что свержение традиционных форм власти может привести к анархии и новой тирании. Именно эта идея реализуется в образе «черного года» в стихотворении «Предсказание», в котором разворачивается «апокалиптическая картина социального хаоса, беззакония и убийства» [Аринштейн 1981: 444].

Предсказание

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830 [Лермонтов 2009: 34]

В автографе стихотворение сопровождается припиской М. Ю. Лермонтова: «(это мечта)»; в начале XIX в. это слово предположительно имело значение «видение», «фантазия» [Аринштейн 1981: 444]. В контексте истории Российского государства данное «предсказание», в силу отсутствия в нем прямой номинации тирана,

может иметь множественную интерпретацию, связанную в том числе и с последствиями революции 1917 г. Однако к собственно политическим корням этого стихотворения лермонтоведы относят «холерные бунты», прокатившиеся летом 1830 г. по южным и юго-восточным районам России, во время которых был убит губернатор Севастополя, родной брат бабушки поэта, Н. А. Столыпин. Кроме того, как полагает Л. М. Аринштейн, М. Ю. Лермонтов «проецирует на Россию опыт Французской революции (1789—94), которая в соответствии с господствовавшими представлениями той поры рисовалась Лермонтову по схеме: низвержение законной власти — анархия и кровавый террор — узурпация власти военным диктатором (Наполеоном)» [Там же]. Именно в соответствии с этой логикой в стихотворении выстраивается цепочка микрообразов, создающих единый образ трагического будущего России.

Параметры духовности и образности анализируемого стихотворения в целом консонансно осваиваются и транслируются переводчиком. Переводчик воссоздает идейно-эмотивную основу оригинала и сохраняет логику развития воплощенной в нем мысли автора. Как и в оригинале, идейно-эмотивную основу переводного текста составляет мысль о трагическом будущем России в результате свержения законной царской власти. При этом в трехчастной композиции воссоздается и последовательность развития авторской идеи: от свержения монархии (стихи I—IV) через беззаконие, бедствия и кровавый хаос (стихи V—XI) к новой тирании (стихи XII — XVIII).

A Foreboding

A day will come, the darkest day in all
 Our time: From royal heads the crown will fall;
 The mob their rulers will not love nor trust,
 And you will know your heritage of lust
 And death. No law will then protect the lives
 Of little children and of blameless wives;
 The stench of loathsome dead on every hand
 And plagues that stalk throughout the mournful
 land
 Will drive you forth from homes of death
 and blood;
 You will be desolate with fire and flood,
 Wild with cold and hunger... And in that hour
 One will appear to you, a man of power,
 And you will know his face and understand
 Why smokes the dagger in his mighty hand.
 Woe unto you! Your moans and cries in gloom
 Will be his sport upon that day of doom,
 For like the vision of his lofty head
 Hooded with night, your hour of dark

and dread.

Translated by Eugene M. Kayden [Lermontov 2009: 35].

Необходимо отметить, что переводчиком осваивается и транслируется свойственный оригиналу принцип развертывания ключевого образа в цепи дополняющих друг друга микрообразов. Как и в оригинале, он последователь-

но развивается в образах свергнутых монархов и жаждущей крови ненавидящей их черни, страдающих от беззакония невинных и слабых детей и женщин, охваченного чумой и пожарами дикого края, где господствуют голод и смерть, и получает дополнительную реализацию в образах наводнений и холода. Эту цепь микрообразов, как и в оригинале, замыкает образ могущественного и жестокого тирана.

Однако центральным образом, в котором реализуется объективируемая переводчиком идея, является образ самого темного из дней («A day will come, the darkest day in all / Our time»). Он возникает в результате переосмысления идейно-эмотивной основы ключевого для оригинала образа «черного года». С одной стороны, возможность такой интерпретации данного образа мотивирована семантикой прилагательного «черный», актуализированной посредством рекуррентности существительного «год». Обладая значениями «цвета сажи, угля», «темный», данное прилагательное также имеет переносное значение «мрачный, безотрадный, тяжелый» [Ожегов 1987: 720]. С другой стороны, контекст всего стихотворения, характеризующегося высокой частотностью лексических единиц «негативной» семантики, обуславливает возможность осмысления описываемого в предсказании времени как очень, крайне и даже самого тяжелого периода. Однако необходимо заметить, что, объективируя смыслы горя и трагизма, само словосочетание «черный год» в силу семантики прилагательного не имплицитирует мысль о том, что этот год по сравнению с другими «черными» периодами является самым тяжелым в истории страны: черных дней, черных годин может быть несколько в жизни отдельного человека или целого народа, в то время как переводчиком образ «черного года» переосмысливается под влиянием контекста как образ «самого темного из всех», т. е. наиболее трагичного в судьбе России. Следовательно, данным переводом мысль автора оригинала будет репрезентирована англоязычному читателю более однозначно как мысль о катастрофических последствиях ломки монархических устоев Российского государства и тяжелейшем периоде в его истории. Такое «уточнение» центрального образа в целом не противоречит идейно-эмотивной основе оригинала и позволяет сделать вывод о преимущественно консонансном освоении переводчиком типологических параметров текста и его типологической доминанты на когнитивном этапе поэтического перевода.

Идея будущих страданий России объективируется в переводе консонансно оригиналу посредством целого комплекса лексических единиц (существительных, прилагательных, наречий, глаголов) «негативной» семантики, высокая частотность которых обуславливает суггестивность оригинального и переводного текстов. В то же время трудность консонансной

передачи лингвистического параметра оригинала связана с особенностями его структуры. Логическая последовательность в развитии авторской идеи и связанность микрообразов в единый образ объективируются в специфической структуре, характеризующейся единством синтаксической и стиховой организации. С синтаксической точки зрения стихотворение оформлено как одно сложное предложение. При этом принцип синтаксической организации стихотворения коррелирует с принципом организации его межстиховых связей как единой строфы. Однако в переводе присущее оригиналу соотношение синтаксической и строфической организации нарушается: при сохранении строфики оригинала утрачивается его синтаксическое единство.

Кроме того, между оригиналом и переводом возникает ритмический диссонанс, обусловленный разным характером межстиховых реляционных связей. В оригинале они основаны на обособляющей функции ритма, в переводе — на анжамбемане («A day will come, the darkest day in all / Our time», «And you will know your heritage of lust / And death», «No law will then protect the lives / Of little children and of blameless wives», « For like the vision of his lofty head / Hooded with night»). Обособляющая функция ритма обуславливает относительную самостоятельность и законченность стиха как смыслового и ритмического единства, производного от «единства» и «тесноты» [Тынянов 2004: 82] поэтического ряда, обусловленных интегрирующим характером внутривсестных связей [Лотман 1994: 191]. Анжамбеман, характерный для английской поэзии, основан, наоборот, на противоречии между синтаксисом и метрикой и дезавтоматизирует восприятие текста вследствие несовпадения ритмического центра стиха, тяготеющего к рифме, с его смысловым центром, нарушая монотонность ритмической организации. С этой точки зрения перевод прагматически ориентирован на его консонансное восприятие англоязычными читателями, но является диссонансным относительно поэтичности оригинала в ее лингвистическом аспекте.

В то же время в переводе репрезентируется такая особенность межстиховых связей оригинала, как богатая рифма. Звуковое совпадение стихов в оригинале обуславливает их смысловое со- и противопоставление, актуализирует ассоциативные связи между сопоставляемыми лексическими единицами и образует более сложные смысловые комплексы: «(черный) год» — «(корона) упадет», «любовь» — «кровь», «(невинных) жен» — «(не защитит) закон», «(мертвых) тел» — «(печальных) сел», «стон» — «смешон». Функцию смыслового со- и противопоставления рифма выполняет и в переводе, в котором идея, сформированная в сознании переводчика в процессе освоения поэтичности оригинала, объективируется, в частности посредством таких рифм, как «(death and) blood» —

«(fire and) flood», «(cries in) gloom» — «(that day of) doom», «lofty head» — «dark and dread».

Кроме того, актуализации авторского смысла в оригинале способствует рекуррентность, являющаяся одним из основных принципов организации внутривсестных связей произведения. Так, посредством рекуррентности существительного «год» в начальном стихе актуализируется семантика прилагательного «черный», имеющего богатый ассоциативный потенциал. Соответственно в переводе с помощью рекуррентности существительного «day» («день») актуализируется семантика прилагательного «(the) darkest» («самый темный»). Рекуррентность притяжательного местоимения «твой» в пятнадцатом стихе актуализирует семантику синонимов «плач» и «стон», объективируя смыслы большого горя, сильной боли, тяжелых страданий, ожидающих Россию, переданные в переводе посредством градации «moans» — «cries» («стон» — «плач»).

Авторские смыслы объективируются в оригинале и комплексом средств синтагматического синтаксиса: анафорой и полисиндетоном. Организуя межстиховые связи текста и его ритм, анафорическое нагнетание относительного наречия «когда» и соединительного союза «и» выражает смысл избыточности, множества предстоящих страданий, объективируемый в переводе парными конструкциями («not love nor trust», «(heritage of) lust and death», «(of) children and (of) wives», «death and blood», «fire and flood», «cold and hunger», «moans and cries», «dark and dread»). При этом суггестивность стихотворения обуславливается контрастом между содержанием стихотворения и его интонационной сдержанностью, который осваивается переводчиком и воссоздается в тексте перевода.

В целом сопоставительный анализ оригинала и перевода свидетельствует о консонансном освоении переводчиком поэтичности оригинала и ее консонансно-диссонансной передаче в тексте перевода. Переводческая модель поэтичности оригинала, формирующаяся в сознании переводчика на когнитивном этапе перевода в соответствии с закономерностями восприятия и понимания текста, генерируется в результате консонансного освоения типологических параметров стихотворения. Рефлексия переводчика не ограничивается освоением лингвистического параметра оригинала. Посредством рефлексии переводчиком консонансно осваиваются параметры глубинного уровня переводимого текста: образность и идейно-эмотивная основа. В целом формируемую в сознании переводчика модель можно считать консонансной поэтичности оригинала. Однако она получает отчасти диссонансную объективацию в переводном тексте вследствие прагматического изменения характера ритмической организации лермонтовского стиха и межстиховых реляционных связей, что не позволяет в полной мере репрезентировать в тексте перевода свойственный М. Ю. Лермонтову принцип объектива-

ции поэтической мысли. На этом основании перевод стихотворения М. Ю. Лермонтова «Предсказание», выполненный Ю. Кейденом, может быть отнесен к консонансо-диссонансному типу.

ЛИТЕРАТУРА

Аринштейн Л. М. Предсказание // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. — М. : Сов. энцикл., 1981. — С. 444.

Алексеева Л. М. Теория эквивалентности перевода как теория об относительности // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. С. 64—83.

Алексеева Л. М. Специфика научного перевода : учеб. пособие. — Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002.

Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 45—51.

Галева Н. Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода : дис. ... д-ра филол. наук. — Тверь, 1999.

Гумилев Н. С. Переводы стихотворные // Гумилев Н. С. Соч. : в 3 т. — М. : Худож. лит., 1991. Т. 3 : Письма о русской поэзии. — С. 28—33.

Диего Э. По доброй воле и со скромной надеждой // Перевод — средство взаимного сближения народов [сост. А. А. Клышко]. — М. : Прогресс, 1987. — С. 183—187.

Каган М. С. Эстетика как философская наука. — СПб. : Петрополис, 1997.

Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М. : Высш. шк., 1990.

Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009.

Кушникова Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. — Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009.

Кушникова Л. В. Перевод как синергетическая система // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 81—86.

Либерман Я. Л. Как переводят стихи. — Екатеринбург, 1995.

Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М. : Гнозис, 1994.

Морозов М. М. Отзыв на перевод «Ромео и Джульетты» Шекспира, сделанный поэтом Б. Пастернаком : из переписки М. М. Морозова с Б. Л. Пастернаком // Перевод — средство взаимного сближения народов / сост. А. А. Клышко. — М. : Прогресс, 1987. С. 377—388.

Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Пермь, 2005.

Попович А. Проблемы художественного перевода : учеб. для вузов. — М. : Высш. шк., 1980.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории. — М. : Р. Валент, 2004.

Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. — М. : Гнозис, 2003.

Тургенев И. С. «Фауст», трагедия, соч. Гёте. Перевод М. Вронченко // Перевод — средство взаимного сближения народов. — М. : Прогресс, 1987. С. 70—72.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. — М. : Едиторал УРСС, 2004.

Усок И. Е. Общественно-историческая проблематика в творчестве Лермонтова // Лермонтовская энцикл. / гл. ред. В. А. Мануйлов. — М. : Сов. энцикл., 1981. С.346—350.

Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. — Л. : Сов. писатель, 1983.

Фесенко Т. А. Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку : сб. науч. трудов. : посв. Е. С. Кубряковой. — М. : ИЯ РАН; Воронеж : Ворон. гос. ун-т, 2002. С.65 — 71.

Фет А. А. Из «Предисловия. Стихотворения Катулла» // Перевод — средство взаимного сближения народов / сост. А. А. Клышко. — М. : Прогресс, 1987. С. 414—415.

Чуковский К. И. Высокое искусство. — М. : Сов. писатель, 1988.

Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М. : Наука, 1988.

Шутемова Н. В. Теоретические основы поэтического перевода. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2011.

Щемелева Л. М. Мотивы // Лермонтовская энцикл. / гл. ред. В. А. Мануйлов. — М. : Сов. энциклопедия, 1981. С. 290—312.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — М. : Прогресс, 1975. С. 193—230.

Якобсон Р. О. Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. — М. : Прогресс, 1987.

Natim B., Mason I. The Translator as Communicator. — L. : Routledge, 1997.

Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1988.

Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов. 19-е изд., испр. / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Рус. яз., 1987.

Лермонтов М. Ю. Предсказание // «Нет, я не Байрон, я другой...» = «No, I'm not Byron, it's my Role...» : избр. поэзия = Poetical Works / отв. ред. Ю. Г. Фридрихштейн. — М. : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 34.

Lermontov M. A. Foreboding // «Нет, я не Байрон, я другой...» = «No, I'm not Byron, it's my Role...» : избр. поэзия = Poetical Works / отв. ред. Ю. Г. Фридрихштейн. — М. : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 35.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. М. Алексеева